

УДК-93/94

ПРИНЦИПЫ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА ПРИ СТАЛИНЕ И СОЗДАНИЕ ПРОЕКТА КОНСТИТУЦИИ СССР 1936 ГОДА

ЛОМБ САМАНТА ЭНН,

PhD. Доцент,

ЛЕБЕДЕВА СВЕТЛАНА ПАВЛОВНА,

Старший Преподаватель

ФГБОУ ВО «Вятский Государственный Университет»

Аннотации: Статья исследует базовые принципы конституционализма, которыми руководствовался Сталин и другие лидеры Коммунистической партии при принятии решений о том, как сформулировать Проект Конституции 1936 г. Сталин и другие члены Проектной Комиссии пытались найти источники понимания конституционности в западных традициях. Они изучали Европейские и Американские конституции, законы и революционные декларации. Но они также внесли марксистскую и Российскую интерпретацию роли конституции в создание Проекта Конституции 1936г. Они верили, что Конституция должна отражать конкретные достижения государства, а не быть набором руководящих принципов и верили, что участие народа и демократия не противоречили однопартийному государству, а были жизненно необходимы для чистки партии и руководства государства от бюрократии

Ключевые слова: Сталинизм, Конституционализм, Истории конституции в СССР, Конституция СССР 1936 года, принципы основного закона СССР

THE PRINCIPLES OF STALINIST CONSTITUTIONALISM AND THE CREATION OF THE 1936 DRAFT CONSTITUTION

Samantha Ann Lomb,
Svetlana Pavlovna Lebedeva

Abstract: The article examines the basic principles of constitutionalism that guided Stalin and other Communist Party leaders when making decisions about how to formulate the 1936 draft Constitution. Stalin and the rest of the Drafting Commission rooted their understanding of constitutionality in Western traditions. They examined European and American constitutions, legal codes and revolutionary declarations. But they also brought a very Marxist and Russian interpretation of the role of constitutions to the creation of the draft 1936 Constitution. The believed that the constitution should embody the concrete achievements of the state, rather than being a set of guiding principles and that participation and democracy were not antithetical to a one party state, but were in fact vital to purge the party and state leadership of bureaucrats.

Keywords: Stalinism, Constitutionalism, the history of the Soviet Constitution, the 1936 Soviet Constitution, the principles of the fundamental law of the USSR

После принятия Конституции в декабре 1936 года, руководители Советского Союза приветствовали это и называли ее самой демократичной в мире. Западные ученые и жители западных стран под-

вергали это утверждение сомнению, указывая на массовые репрессии 1937-1938 гг, последовавшие за принятием так называемой Сталинской конституции. Цель данной научной работы не только обратиться к этим спорным утверждениям, проект конституции мы рассматриваем в контексте с лидерами Коммунистической партии, включая Сталина, осознавая, что революция произвела радикальные изменения в Советском обществе, что потребовало пересмотра роли определенных групп Советского общества и изменения Конституции для отражения этого нового баланса власти. Коллективизация была фактом, индустриализация была фактом, Советская власть была фактом.[1] В результате этих достижений Съезд компартии 1934 г. был назван «Съездом Победителей» и пресса восторженно описывает появление Проекта Конституции двумя годами позже.

Нами не было обнаружено архивных документов, расходящихся с ее массовой общественной поддержкой или документов, указывающих, что они рассматривали Конституцию и ее обсуждение более как пропаганду, что предлагают некоторые историки.[2] Фактически, архивные записи указывают, что Сталин и другие партийные лидеры интересовались процессом, читали конституции западных стран, тщательно редактировали Проект, бесчисленное количество раз требовали предложений от региональных чиновников, что было традицией в Советском Союзе и даже в Царской России и называлось «прислушиваться к народу».[3]

В то время, как реформы, предлагаемые в Конституции в основном расценивались как фальсификации, так как массовые репрессии 1937 г свели на нет данные обещания, ни один человек во второй половине 1936 г. не противился этим изменениям. Как показано более полно в главе 7, неожиданные поправки, такие как вполне предвиденная реакция на проект Конституции и активное участие кулаков и других классовых врагов в последующих выборах, привело к возврату ограничений права голоса и репрессивным мерам. Другим фактором, который повлиял на возврат Сталина к репрессиям, была его параноидальная личность, его неверие в государство и партийную элиту, глухая и упорная региональная бюрократия, страх потенциальной угрозы в стране и за рубежом, и прошлые успехи, использующие репрессии для строительства государства.[4] Репрессии были реакцией на то, что Сталин и другие советские лидеры рассматривали как враждебное окружение. Это означает, что их искренность в 1936 не следует подвергать сомнению под влиянием событий 1937 г. и фактически у них отсутствовали иллюзии касательно незавершенности победы социализма и рост числа людей, противящихся режиму может объяснить суровость последующих репрессий.

Чтобы уяснить причины массового участия советского руководства в событиях 1936 и 1937 гг, требуется краткий обзор советской юридической и конституционной теории для понимания как советские вожди представляли себе демократию, роль конституции и какие обязанности для граждан страны они рисовали в своем воображении. Советское понятие демократии, с точки зрения тех, кто ее формулировал, обнаруживает, что внутри их собственного понимания политики и конституционности, их намерения были вполне легитимны и честны. Здесь также демонстрируется как такая интерпретация помогла сформировать, но не детерминировать что такое народное обсуждение.

Центральное партийное руководство имело очень специфическое понимание демократии и законности, которое позволяло и даже поощряло участие граждан. В то время как западные ученые могут увидеть противоречие между жестко контролируемым однопартийным государством, основанном на принципах демократического централизма и вовлеченностью граждан, подобного противоречия не существовало в умах советских лидеров. Они расценивали участие граждан как очень важное для развития социальной и экономической систем СССР, как интеграцию, которая обеспечивала предварительную риторику перед обсуждением проекта Конституции и фундамент для усилий центральной государственной власти управлять и вести дискуссию.

Принципы конституционной теории СССР

Новая конституция была ядром Сталинской юридической реформации и попыток строительства государства. Страна Советов стремилась укрепить социальную стабильность и политическую легитимность обширного политического, социального и экономического переворота, произведенного пятилетними планами через возобновление советского гражданства, охватившего большой сегмент населения, такого как бывшие кулаки и классовые враги, которые не имели избирательного права по двум

предыдущим конституциям, а также расширение гражданских прав и доступ к государственным пособиям. [5] Джон Хэзард утверждает, что советские лидеры в сталинский период использовали судебные решения и законодательство для укрепления своих позиций во власти и для заложения основ нового образца общественных организаций и в то же самое время для кодировки и укрепления изменений, которые уже были сделаны. В области криминального права, это означало попытки заставить официальных лиц вести себя рационально, т.е. служить советским учреждениям, а не своим интересам, путем репрессий врагов. [6] Другие историки, такие как Питер Соломон, развили эту идею дальше. Он заявил, что 30е годы стали свидетелями возвращения к традиционному законному порядку, заменив идеи «революционной законности» Николая Крыленко, которые полагались на революционную интуицию, на профессиональные кадры и системные юридические кодексы, которые защищал Андрей Вышинский. Соломон полагает, что обнародование новой Конституции в 1936 г. было символом этого изменения, т.к. обсуждение проекта Конституции обеспечивало аудиторию для продвижения статуса и власти закона.[7, с. 151,171] Изучение обсуждения проекта Конституции подтверждает утверждение Соломона. Однако, Соломон, рассматривает Конституцию 1936 г. как фарс, убеждая, что народ не принимал участия в ее создании, она скорее была создана, чтобы придать Советскому Союзу привлекательный образ за рубежом, и усилить власть и легитимность Советского правительства в пределах границ страны. [7, с. 191] В противоположность Соломону, Стивен Коткин утверждает, что «при Сталине СССР смог не только правдоподобно заявлять, что разработаны программы и практики гарантированного государством народного благосостояния в большей степени чем когда либо ранее, но и смог сделать это таким образом, который контрастировал с фашизмом: впитав полностью европейское культурное наследие, известное как эпоха Просвещения.[1, с.20-21] Данная работа утверждает, что Советские лидеры рассматривали политику с участием народа как инструмент для строительства социализма, а не конец его, но при формулировании и продвижении сталинской Конституции, партия и государственные лидеры выказывали почтение европейским корням демократии.

Комиссия по разработке проекта Конституции изучала многочисленные «буржуазные» т.е. западные конституции и раскрывала многие идеалы универсального права голоса, участия народа и ответственность государства перед избирателями за проект. Карл Радек отвечал за поиск текстов зарубежных конституций и соответствующих законов и делал их обзор вместе с Николаем Бухариным (редактор газеты «Известия» с 1934г) и Львом Мехлисом (редактором газеты «Правда» с 1936 г).[8, с.19-20] Собранные конституционной комиссией материалы содержат избирательные законы Англии, Бельгии, Норвегии, Чехословакии и Швейцарии, копии «Декларации о правах Человека и Граждан» (1789) и различные западные (буржуазные) конституции.[9] Хотя в архиве нет заметок об обсуждении этих материалов, при описании предлагаемой избирательной системы в 1937г. Калинин заметил, что новая Советская система будет напоминать французскую избирательную систему.[10, с. 125] А Молотов заявлял «мы отобрали все лучшее из демократических систем других стран и добавили в нашу Конституцию, чтобы применить ее к условиям Советского государства.»[11, с. 2]

Чтобы оценить какие аспекты европейской конституционной теории советское руководство инкорпорировало в Сталинскую конституцию 1936 г., важно понять, какую роль, как полагали большевики, должна играть конституция в Советском обществе. Партийные и государственные лидеры рассматривали конституцию как кодификацию достижений социализма, а не документ который идентифицировал возжеленные цели или руководящие принципы. В ноябре 1936 г. в своей речи на VIII съезде Советов, Сталин ясно дал понять, что Конституцию не следует путать с Программой: «программа говорит о том, чего еще не существует, чего нужно достичь и добиться в будущем, Конституция же, наоборот, должна говорить о том, что уже существует, что уже достигнуто и завоевано сейчас, в настоящем».[12, с.2]

Николай Крыленко, народный комиссар юстиции (20 июля 1936-15 сентября 1937г) и Генеральный прокурор РСФСР (1929-1931), написал несколько работ, поясняющих почему был предложен новый проект Конституции.[13] Крыленко утверждал, что СССР стал демократией большинства и что строго регулируемая и ограниченная диктатура пролетариата больше не нужна.[14, с 12-13] Для многих советских лидеров типа Крыленко, Конституция 1936 г. представляла нарушение баланса власти. В 1918, Большевики и опора Советского государства виделись как меньшинство, находящееся в

осаде, но к 1936 г. со многими явными врагами стали иметь дело, оставив советских вождей в уверенности, что они являются большинством, имеют мощную поддержку и могут использовать данную ситуацию для дальнейшего развития политики с участием народа в СССР.

Советское руководство рассматривало народную политику как мощное оружие против бюрократизма и коррупции и буквально требовало участия народных масс для устранения данных проблем. Для этого, Сталин поддерживал расширение избирательного права и выборы с большим количеством кандидатов, предложение о которых появилось в проекте Конституции 1936 г. и должны были быть приняты к выборам в Верховный Совет в 1937 г. В интервью с Роем Ховардом 1 марта 1936 г., Сталин выступил с предложением об открытых выборах.[15, с.2] В то время как он отказался от идеи многопартийных выборов, он твердо отстаивал идею многокандидатных выборов. Сталин отмечал, что согласно новому проекту Конституции, общественные организации всех типов, а не только Коммунистическая партия, будут иметь право номинировать кандидатов на выборы.[15, с. 2] Такая конкуренция не между разными партиями, а между личностями, позволила бы пролетариату эффективно влиять на правительство и политику через участие народа. [16] Сталин видел участие народа как эффективное оружие против бюрократической некомпетентности в СССР:

«Я очень ясно представляю себе избирательную компанию. В нашей стране(США) немало учреждений, которые работают плохо. Бывают случаи, когда то или другое правительственное учреждение не может удовлетворить определенные и разнообразные потребности налогоплательщиков в разных городах страны. Вы построили хорошую школу или нет? Вы улучшили жилищные условия? Вы бюрократ? Вы помогли сделать наш труд более эффективным, а нашу жизнь более достойной? Такими критериями миллионы избирателей измеряли бы качества кандидатов, отвергали не подходящих, исключали бы их имена их списков кандидатов, и продвигали бы и номинировали самых лучших. Да, избирательная компания будет очень живой: она будет рассматривать многочисленные очень насущные проблемы, главным образом практического характера, имеющих первостепенную важность для людей. Наша новая избирательная система свяжет все учреждения и заставит их улучшить работу. Всеобщее, прямое и тайное избирательное право в СССР будет кнутом в руках населения против правительственных органов, работающих плохо.»[15, с.2]

Что означали многокандидатные выборы, так это то, что выборы могли давать возможность для граждан отвергнуть местные и региональные политические фигуры, которые не представляли популярные советские интересы. Сталин и большевистская партия не собиралась изменять или подвергать опасности их партию или концепцию демократического централизма, на которой она базировалась. Чего они действительно хотели, пересматривая конституцию, и проводя многокандидатные выборы, так это усилить функциональность, легитимность поддержки народа партии и уничтожения «бюрократов» в уничижительном смысле.

Осенью 1936 г., имея многочисленные предложения, сделанные в ходе народного обсуждения и желание вновь ввести лимиты на право голоса, Сталин настоял на своем решении даровать всеобщее избирательное право и многокандидатные выборы. В своей речи на VIII съезде Советов, посвященном проекту Конституции, Сталин заявил, что Советское государство лишило «враждебные элементы» права голоса на период, пока они вели открытую войну против народа и подрывали Советские законы. Теперь, когда класс эксплуататоров был уничтожен, и Советская власть окрепла, настало время ввести всеобщее избирательное право. Он противопоставил аргумент, что всеобщее избирательное право позволит враждебным элементам «пролезть как червяк в органы власти», [заметив, что не все бывшие кулаки и белогвардейцы были опасны советской власти и если люди где-нибудь выберут подозрительных людей, это будет означать, что агитационная и пропагандистская работа была выполнена плохо. [12, с.4]

Молотов также сфокусировался на идее усиления контроля за региональными и местными органами власти при помощи всенародных выборов. Он отмечал, что новая выборная система обеспечит полное развитие демократии и поможет усовершенствовать государственный аппарат через расширение и обновление ведущих советских кадров и повышение роли рабочих в партийных организациях. [11, с.2] В добавок к обеспечению новых кадров прочными связями с рабочими, «новые выборы

встряхнут старые кадры и нанесут удар бюрократизму». [11, с.2] Демократия была инструментом, обращенным против некомпетентных и безответственных местных бюрократических организаций, которые постоянно разочаровывали центральные власти.²⁸

Дж. Арч Гетти возражает, что советские лидеры оставались твердыми сторонниками многокандидатных выборов весь 1937 г, несмотря на растущее сопротивление со стороны региональных и местных партийных начальников. Он настаивает, что центральное руководство проводило длительную кампанию за многокандидатные выборы и вынудило региональных товарищей сделать соответствующие приготовления до октября 1937, когда столкнулось с растущим противостоянием и прямым неповиновением со стороны регионального партийного аппарата, Центральный комитет и Сталин отказались от планов многокандидатных выборов.[8] Хотя советские лидеры первоначально поддерживали демократизацию, как инструмент для победы над бюрократизмом в партии и госаппарате, им искренне нравилась фундаментальная идея участия народа и, если Гетти прав, они оставались преданными идее многокандидатных выборов до того, пока она не стала политически несостоятельной.

Список литературы

1. Stephen Kotkin *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization* (Berkeley: University of California Press, 1995).
2. Sarah Davies, *Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent 1931-1941* (Cambridge: Cambridge University press, 1997), Robert Tucker. *Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928-1941* (New York: W. W. Norton and Company, 1992).
3. Larry Holmes. *Grand Theater: Regional Governance in Stalin's Russia, 1931--1941*, (Lanham, MD: Lexington Books, 2009), Shelia Fitzpartick "Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation of the 1930s," *The Journal of Modern History*, Vol. 68, No. 4, Practices of Denunciation in Modern European History, 1789--1989 (Dec., 1996).
4. Oleg Khlevniuk, "Top Down vs. Bottom-up: Regarding the Potential of Contemporary "Revisionism", *Cahiers du monde russe* [Online], 56/4 | 2015, Online since 01 October 2015, Connection on 01 October 2016. URL : <http://monderusse.revues.org/8253>, J. Arch Getty, "Pre-election Fever: the Origins of the 1937 Mass Operations" in James Harris, ed., *Anatomy of Terror: Political Violence under Lenin and Stalin*, (Oxford: Oxford University Press, 2013), J. Arch Getty and Oleg Naumov, *The Road to Terror: Stalin and the self-destruction of the Bolsheviks, 1932-1939*. (New Haven, Conn.: Yale University Press, 2010).
5. David Shearer. *Policing Stalin's Socialism: Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924-1953*. (New Haven: Yale University Press, 2009); Paul Hagenloh, *Stalin's Police: Order and Mass Repression in the USSR, 1926-1941* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2009).
6. John Hazard, *Law and Social Change in the USSR* (Toronto: Carswell Co., 1953).
7. Peter Solomon, *Soviet Criminal Justice under Stalin*. (New York: Cambridge University Press, 1996).
8. J. Arch Getty. "The State and Society under Stalin: Constitutions and Elections in the 1930s," *Slavic Review* Vol. 50, No. 1 (Spring, 1991).
9. ГАРФ, ф. Р- 3316, оп. 40, д. 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 84
10. Getty, J. Arch. "Excesses Are Not Permitted": Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s," *Russian Review* Vol. 61, No. 1 (January, 2002), 113-138.
11. Молотов, Вячеслав "Речь Тов. Молотова о новой конституции" Правда 30.11.1936
12. Сталин, Иосеф "Доклад о проекте конституции" Правда 28.11.1936.
13. Крыленко, Николай Правда и Обязанности советского гражданина, Партиздатель ЦК ВКПб, 1936; Основные правды и обязанности советского гражданина, Партиздатель ЦК ВКПб, 1937; Избирательный закон союза ССР, Соцжгиз, 1937.
14. Крыленко, Николай. Советы депутатов трудящихся политическая основа СССР, Издательство ЦК ВЛКСИ Молодая Гвардия, 1937.

15. “Беседа товарища Сталина с председателем американского газетного объединения ‘Скриппс-Говард Ньюспейрерс’ г-ном Рои Говардом” Правда, 5.3.1936.
16. Sheila Fitzpatrick, “How the Mice Buried the Cat: Scenes from the Great Purges of 1937 in the Russian Provinces” *Russian Review* Vol. 52, No. 3 (July, 1993), 299-320.